

**ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ:**

**М. Матковский
ПОПУГАЙ
В МЕДВЕЖЬЕЙ БЕРЛОГЕ**

**Т. Кандаля
ШАССЕ-КРУАЗЕ**

**Л. Трахтенберг
НА НАРАХ
С ДЯДЕЙ СЭМОМ**

**А. Макушинский
ГОРОД В ДОЛИНЕ**

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

КИРА
САПГИР

KIRA
SAGUIR

ДВОР ЧУДЕС

THE COURT
OF MIRACLES

Москва
2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С19

Оформление серии — *Петр Петров*

В оформлении обложки
использована иллюстрация:
grivina / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Сапгир, Кира.

С19 Двор чудес : [сборник] / Кира Сапгир. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 256 с. —
(.RU_Современная проза русского зарубежья).

ISBN 978-5-699-86118-7

Сборник рассказов «Двор чудес» — странный, мозаичный, забавный, а временами страшный (и ни на что не похожий) — не зря носит такое название. Так в Средние века называли в Париже знаменитое «воровское подворье». Только здесь речь идет не о Париже и его «отверженных», а о бандитском дворе Киры Сапгир, о ее московском детстве и дальнейших отзвуках и звуках его не смолкающего эха.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86118-7

© Сапгир К., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Ржавый бог

(О Лицейской годовщине)

Впервые я услышала это имя от отца:

— Кто такой Пушкин, знаешь?

— Знаю. Это тот, кто делает пушки.

Посмеялись и тут же показали портрет — в отрывном календаре, величиной с почтовую марку. Но отчего-то тут же портрет стал для меня очень большим. Такой же обман зрения, когда смотришь на луну — то она с поднос, то с монетку.

Дальше была «Сказка о рыбаке и рыбке», раскрашенная палехскими художниками. А потом — совсем одна я хожу по нетопленной комнате, нашей комнате на Малой Грузинской, откуда недавно забрали отца. Я учу наизусть «Евгения Онегина» — не для школы, не знаю для чего — может быть, из-за прихотливого совершенства строфы, которого еще не осознаю? При этом —

гордость: вот, мол, теперь смогу вспомнить любую из строф.

Пушкин проявлялся в жизни час от часу, день ото дня, год от году. Маленькая картинка из календаря все росла. Пушкин стал толстым томом — из бабушкиного книжного шкафа с витыми колонками, с мелкими выпуклыми зелеными стеклышками створок в частых свинцовых переплетах...

«Шли годы...»

Маленькая комната. 19 октября, день Лицейской годовщины. Пьяное лицо актера, «свадебного генерала» среди собравшихся гостей. Актер читает стихи. Его слушают люди, любящие Пушкина так, словно он часть их плоти. Часть речи. Часть души. Читаются все стихи, помеченные датой 19 октября — и в комнате клубится осенний туман, плывут незябнувшие царскосельские статуи, и в тумане словно желтоватая рука поднимает чашу гусарского пунша.

Друзья мои, прекрасен наш союз!

Бархатный голос, злые глаза, светлая прямая прядь наискось, через красноватый лоб. Об актере говорили: пропил талант.

Стихи о 19 октября были не для него. Нельзя читать уходящему в прошлое строки, полные волненья, сверканья, нетерпеливого счастья! Он уже слишком не любил себя, этот актер, боя-

щийся будущего, боящийся сцены, быть может, боящийся подступающей старости. Бывший красавец, полузабытый полубог.

— Прочтете, может быть, из «Медного всадника?»

— Из «Медного всадника?» — Актер недоумевал. — Но ведь я... я никогда не читаю его... Я... забыл.

— Знаете откуда?

Но не успела я подсказать, как он оглянулся, словно просыпаясь:

— Постойте! Сейчас, сейчас...

И начал:

Раз он спал...

...Свечи на столе оплывали. Их огонь зеленел сквозь полупустые бутылки. Лицо читающего освещалось снизу огненными и зеленоватыми бликами. Темень заливала углы. Где-то под толком ожил неслышный ветер. Он задувал все круче, и под его напором все круче выгибалась ржавым стеблем осенней травы человеческая фигурка. Ее клонила — затылком к брусчатке площади — медная рука, и ржавые облака проносились над свинцовой рекой, заливающей осатаневший город.

В усмешке искривился пьяный рот:

Добро, правитель чудотворный,
Ужо тебе...

Лицо актера разрослось. Маленькая фигурка приблизилась, стала как у великана, и город, огромный город, повел плечами-дворцами, ущемляя живое среди крошащихся глыб.

Актер выгибался кошкой. Цеплялся, ломая когти, за ускользящий полированный бок гранитного цоколя. Кошка карабкалась вверх, чтобы спастись...

Мы пригибались к земле под напором невиданной силы урагана. Свечи в комнате, казалось, начали гаснуть — одна за другой.

— Все, дальше забыл, — вдруг остановился актер, в недоумении оглядываясь вокруг, словно отряхиваясь от грозного наважденья. — Выпьем, ребята! За Александра Сергеевича! Ура! А вы — молодец, что-то там такое есть, в этих стихах!

Мы едем и поем

(Мистерия)

Мы — Священник, Художественный Критик, Религиозная писательница и Православная Русистка из Соседней Чужбины — едем в надземном метро, во втором с конца вагоне пить водку. Вечереет. Позади промозглая сырость пригорода. Впереди чья-то квартира, где тесно и тепло, и всем нам хочется этого тепла, скорее, скорее...

После того как в 80-х упразднили первый класс в парижском метро, респектабельная публика молча и негласно избрала там для своих поездок второй вагон с конца. Вот и в нашем, втором с конца вагоне, желто и уютно. Возвращаются с работы офисные клерки, едут приятно пахнущие дамы, подтянутые старики с теннисными ракетками, опрятные старушки, отыгравшие вечернюю партию в бридж. Тут же мы, полупрозрачной тенью, почти невидимые.

Мы едем и молчим.

— Надо освятить метро, — внезапно говорит Религиозная Писательница, странно улыбаясь, и вынимает из холщовой торбы странницы книжечку акафистов.

Заглядывая в книжечку через ее плечо, мы затагиваем акафист. У нас никудышные голоса. Книжечка желтого цвета, как стены в китайском ресторане в ужасном пригороде, где все мы сидели только что — перед тем, как сесть в приличный второй с конца вагон метро, по дороге в квартиру, где мы хотим выпить водки.

Мы едем и поем. Наши голоса гаснут на ветру, по ходу поезда, над городом, на надземном мосту подземки, в чистом вагоне среди приятной публики. Мы — поющие тонкокожие зверьки на Чужбине, любящие водку и верящие в неожиданные происшествия.

Праведная Русистка из христианского издательства Соседней Чужбины пищит, как простуженный мышонок, — выводит:

Радуися, Благодатная!

И мы, на все лады, фальшиво и музыкально, пищим осипшими дудками наших глоток. Лишь один Художественный Критик улыбается и молчит, наблюдая, что будет.

Поезд встал, и ни с места. Двери второго с конца вагона открыты настезь. В вагонные ворота входят два арапчонка. Два темных ангела, два сумрачных стража замерли у дверей неподвижно. Поезд тоже застыл, и в нашем замершем вагоне слышится:

Радуися, Благодатная,
Ангел, Царю дарованная!

Два ажана медленно, словно во сне, заходят в вагон, берут стражей за воротник. Медленно, как во сне, выводят их прочь на перрон. Поезд не движется.

Христа-Бога родшая...

Медленно опускают руки полицейские, застыв, как деревянные солдатики. Наши стражи вновь очутились по обе стороны врат. И тогда поезд медленно двинулся.

Мы едем и поем. Повторяем все тот же акафист — и остуженные осипшие наши голоса чисто-фальшиво повторяют один и тот же стих, полный звонкой чистоты глубокого колодца — летом в знойный полдень:

Радуися!..

Поезд плывет по железному мосту. Уже, словно туча моли, влетают во второй вагон с конца сонмища. Просачиваются ниоткуда — тощие, широкие, в банданах, в лоснящихся кожаных куртках, в белесых свитерах.

В «чистом» вагоне уже шабаш! Шабят мастырки. Слышится нашенский мат, затем неясно, как сквозь заглушку, смутно, вроде бы «Хорст Вессель», — и смутно как бы «Интернационал»...

Радуися, Благодатная!

— Зашевелились! — с тихой улыбкой удовлетворения говорит Религиозная Писательница.

Мы наконец выходим, оставляя за собой поющий, урчащий, воющий второй с конца вагон, желто-освещенный, бесноватый — один-единственный. Во всех остальных вагонах все как всегда — а сюда пришла

благодатьблагодатьблагодатьблагодатьблагодатьблагодатьблагодатьблагодатьблагодать благодатьблагодатьблагодатьблагодать

Памяти Иосифа Бейна¹

Осенним вечером я направлялась к себе домой, на улицу Великих Августинцев. Я возвращалась с поминок по поэту Павлику Кондорсе, прямому потомку просветителя, родоначальника «теории прогресса», объявленного конвен-том в розыск, брошенного в тюрьму в 94-м, покончившего с жизнью, выпив из перстня ук-рытый яд...

Спустя 200 с лишним лет, в Москве, его пра-правнук-диссидент «брал приступом» Главную

¹ И о с и ф Б е й н (1934–2011) — поэт, гений. Приехал в Израиль из Риги в 1971 году, оставив в прошлой жизни обвинения в тунеядстве, ссылку на Соловки. В Хайфе был пятнадцать лет «хранителем городского Парка скульптур», проще говоря — сторожем. В Израиле дважды удостоен ли-тературной премии, в США — премии «Серебряный стре-лец». Печатался в газете «Русская мысль» (Париж), журна-лах «Грани» (Франкфурт), «Континент» (Париж), а также в антологии Константина Кузьминского «Голубая Лагуна». За всю жизнь у поэта не вышло ни одной книги.

А также:

Б е й н (англ. Vane — проклятье, наказание, бич). Супер-злодей комиксов — один из самых сильных врагов Темного рыцаря. Наиболее известен тем, что сумел победить Бэт-мена и сломать ему позвоночник.

площадь, протестуя против советского военного вторжения в Чехословакию. Был судим, прошел лагеря, насильно отправлен на родину предков, где жил неподалеку от площади Бастилии, в обветшалом строении на бульваре Ришар Лемуар.

Павлик так и не вписался в здешнюю жизнь. Он сильно тосковал по Москве, по компании сверстников — сильно пьющих мальчиков-поэтов из самостийного Объединения Молодых Гениев.

— Я — ма'киз де Кондо'се, чисток'овный потомок ф'а-анцузских а'исток'атов, и на вашу п'а-аклятую Ф'анцию с'ать хотел! — сообщал Павлик по-русски собутыльникам в близлежащей пивнушке, вливая литрами в себя «формидабль» — ерш из полынной с черничным сиропом. Сама же пивнушка была местной достопримечательностью, прославленной даже в литературе: ее крышу венчала трехметровая бутылка «пинара», и это был «питейный адрес» комиссара Мегрэ. По Сименону, комиссар обитал неподалеку и захаживал сюда после тяжелого рабочего дня расслабиться и выпить пивка.

Запой у Павлика все не прекращались. Он пропадал на много дней, являлся домой пьяный, побитый, немывтый. Мыться отказывался:

— Опасная штука — мытье, — сообщал он, — один вот поп'обовал вымыться, его и за'езали! Ма'ат его звали...

Чтобы удержать супруга под семейным кровом, пожилая жена сама покупала ему спиртное. Но он все равно удирал, хулиганил, дрался, попадал в участок. А умер в собственной постели, слушая пластинку с песней «Над небом голубым»... которую написал блистательный Паша Шванц, друг на всю вечность:

Скворцы цыганской нации
Испытывать должны
Соблазн аллитерации —
Свистульки сатаны...¹

Есть красивая игра — «Китайский портрет». Участники «задумывают» кого-то из знакомых, а тот, кто водит, должен отгадать по ответам на вопросы — кто это? Итак...

- На что похож Шванц?
- На утренний свист. На летящий лист.
- На какой камень?
- На аквамарин.
- А на город чей?
- Да ничей.
- На какую еду он похож?
- С планом плов, темный, густой, как смола с островов.
- Какому запаху уподоблю?
- Свежего ветра, который люблю.
- С каким растением сравню?

¹ *Сангир К.* Посвящается А. Хвостенко.